

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**Сказки и рассказы для детей
младшего возраста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Сказки и рассказы для детей младшего возраста / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 54 с.

ISBN 978-5-519-95147-0

Рассказы и сказки для детей, Содержание. Старый воробей; Приемыш; Постойко; Серая шейка; Упрямый козел; Медведка; На пути; Елка; Зеленая война; Лесная сказка; Искорки

ISBN 978-5-519-95147-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

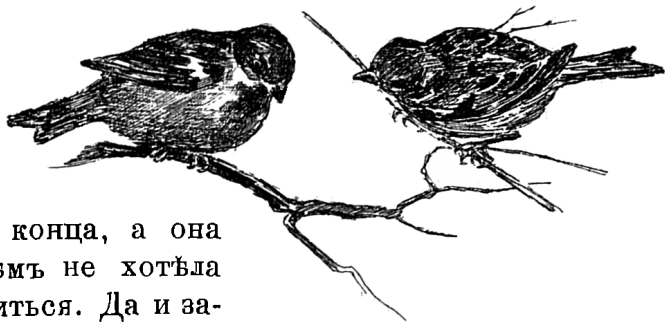

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

да! Эй, старуха, смотри, какой намъ домикъ сдѣлали!..

Воробьяха была гораздо серьезнѣе мужа и отнеслась съ недовѣріемъ къ этимъ словамъ. Да и хозяинъ самъ говоритъ о скворцахъ, значить, будетъ скворешникъ. Впрочемъ, спорить она не желала, потому что это было бесполезно: развѣ стараго Воробья кто-нибудь переспорить?.. Онъ будетъ повторять свое

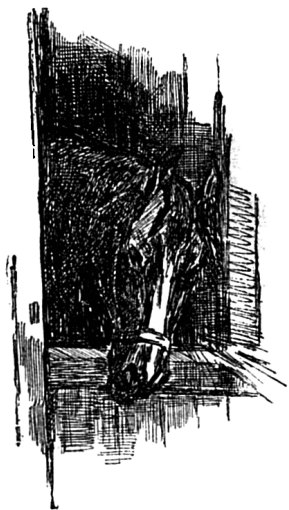
безъ конца, а она совсѣмъ не хотѣла ссориться. Да и за-

чѣмъ ссориться, когда весеннее солнышко такъ ласково свѣтитъ; вездѣ бѣгутъ весенніе ручейки, и почки на березахъ уже совсѣмъ набухли и покраснѣли: вотъ-вотъ раскроются и выпустятъ каждая по зеленому листочку, такому мягкому, свѣтленькому, душистому и точно покрытому лакомъ. Слава Богу, зима прошла, и теперь всѣмъ наступаетъ великая радость. Конечно, старый Воробей страшный забіяка, и частенько обижалъ свою старуху; но въ такіе свѣтлые весенніе дни забываются даже семейныя непріятности.

— Что же ты молчишь, моя старушка? — приставалъ къ ней старый Воробей. — Будетъ намъ жить подъ крышей: и темно, и вѣтромъ продуваетъ, и вообще неудобно. Признаться сказать, я давно думаю перемѣнить квартиру, да все какъ-то было некогда. Хорошо, что хозяинъ самъ догадался... Вотъ у куръ есть курятникъ, у лошадей стойло, у собаки конура,

а только я одинъ долженъ былъ скитаться, гдѣ попало. Совѣстно стало хозяину, вотъ онъ и приготовилъ мнѣ домишко... Отлично заживемъ, старушонка!

Весь дворъ былъ занятъ хозяйской работой: изъ конюшни выглядывала лошадиная голова, изъ конуры вылѣзъ мохнатый Волчокъ и даже показался сѣрый котъ Васька, цѣлые дни лежавшій гдѣ-нибудь на солнышкѣ. Всѣ слѣдили, что будетъ дальше.

— Эй, старый плутъ!..—кричалъ старый Воробей, завидѣвъ своего главнаго врага, кота Ваську. — Ты зачѣмъ пожаловалъ сюда, дармоѣдъ? Теперь, братъ, тебѣ меня не достать... да! Лови своихъ мышей да поглядывай, какъ я заживу въ своемъ домишкѣ. Не все мнѣ по морозу прыгать на одной

ножкѣ, а тебѣ лежать на печкѣ...

— Что же, пожалуй и такъ...—согласился Пѣтухъ, тоже не долюбивая кота Ваську. — Положимъ, что старый Воробей и хвастунъ, и забіяка, и воръ; но онъ все-таки не таскаетъ цыплятъ.

Кончивъ свою работу, хозяинъ поднялъ шесть со скворешникомъ и прикрѣпилъ его къ самому крѣпкому столбу ограды. Скворешникъ былъ отличный: доски были пригнаны плотно, наверху желѣзная крыша, а сбоку прикрѣплена сухая березовая вѣтка, на которой такъ удобно было отдыхать. У маленькаго круглаго оконца, черезъ которое можно было влетѣть въ скворешникъ, устроена была деревянная полочка,—тоже не дурно отдохнуть.

— Живо, старуха, собирайся!—крикнулъ старый

Воробей.—Вѣдь есть нахалы, которые сейчасъ готовы захватить чужой домъ... Тѣ же скворцы прилетятъ.

— А если насъ оттуда выгонятъ? — замѣтила Воробьяха.—Старое свое гнѣздо разоримъ, кто-нибудь его займетъ, а сами и останемся ни при чемъ... Да и хозяинъ про скворцовъ говорилъ.

— Ахъ, глупая: это онъ пошутилъ.

Не успѣлъ хозяинъ отойти отъ скворешника, чтобы полюбоваться своей работой издали, какъ старый Воробей уже былъ на желѣзной кровелькѣ. Весело чиликнувъ, онъ быстро юркнулъ въ оконце, только хвостикъ мелькнулъ.

— Эге, да тутъ совсѣмъ отлично!—думалъ вслухъ старый Воробей, запутавшись въ хлопьяхъ кудели.—То-то моей старухѣ тепло будетъ, да и ребятишкамъ тоже... Не дуетъ ни откуда, дождемъ не мочить, и, главное, самъ хозяинъ. Не дурно... А зимой здѣсь умирать не надо.

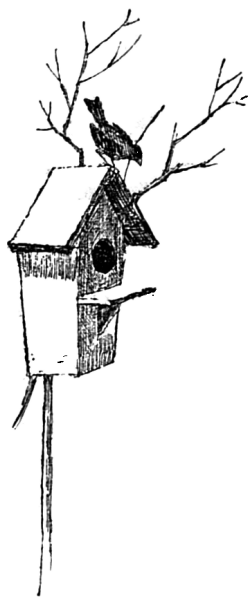
Выбравшись на самую верхушку скворешника, старый Воробей весело распустилъ всѣ перышки, повернулся на всѣ стороны и крикнулъ:

— Это я, братцы! милости просимъ къ намъ на новоселье...

— Ахъ разбойникъ!—обругалъ его хозяинъ снизу.—Ужъ успѣлъ забраться. Погоди, братъ, вотъ прилетятъ скворцы, они тебѣ зададутъ...

Маленькій Сережка былъ ужасно огорченъ, что въ скворешникѣ поселился самый обыкновенный воробей.

— Ты каждое утро смотри,—училъ его отецъ.—На дняхъ должны прилетѣть наши скворцы.

— Будетъ шутить, хозяинъ!—кричалъ старый Воробей сверху.—Меня-то не проведешь... А скворцамъ мы и сами зададимъ жару-пару!..

II.

ТАРЫЙ Воробей расположился въ скворешникѣ по домашнему, какъ и слѣдуетъ семейной птицѣ. Изъ стараго гнѣзда былъ перетащенъ пухъ и все, что только можно было утащить.

— А теперь пусть въ немъ живутъ племянники,—рѣшилъ старый Воробей со свойственнымъ ему великодушіемъ.— Я всегда готовъ отдать родственникамъ послѣднее... Пусть живутъ да меня, старика, добромъ поминаютъ.

— Тоже расщедрился! — смѣялись другіе воробьи.— Подарилъ племянникамъ какую-то щель... Вотъ ужъ посмотримъ, какъ самого погонять изъ скворешника, такъ куда тогда дѣнется?

Все это говорилось, конечно, изъ зависти, и старый Воробей только посмѣивался: пусть ихъ поговорятъ. О, это былъ опытный старый воробей, выдавшій виды... Сидя въ своемъ тепломъ гнѣздѣ, теперь онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о разныхъ неудачахъ своей жизни. Разъ чуть не сгорѣлъ, забравшись

погрѣться въ трубу, въ другой чуть не утонулъ, потомъ замерзалъ, потомъ совсѣмъ было попался въ бархатныя лапки стараго плута Васьки и чуть живой вырвался,—э, да мало-ли невзгодъ и горя онъ перенесъ!..

— Пора и отдохнуть, — разсуждалъ онъ громко, взобравшись на крышу своего новаго домика.—Я—заслуженный воробей... Молодые-то пусть поучатся, какъ нужно на свѣтѣ жить.

Какъ ни смѣшно было нахальство стараго Воробья, но къ нему всѣ привыкли и даже стали вѣрить, что, дѣйствительно, скворешникъ поставленъ именно для стараго Воробья. Теперь всѣ ждали только того рѣшительнаго дня, когда прилетятъ скворцы, — что-то тогда будетъ дѣлать старикъ, забравшійся въ чужое гнѣздо?

— Что такое скворцы?—разсуждалъ вслухъ старый Воробей.—Глупая птица, которая неизвѣстно, зачѣмъ перелетаетъ съ одного мѣста на другое. Вотъ нашъ Пѣтухъ тоже неумень, но зато и сидитъ дома; а потомъ изъ него сварятъ супъ... Я хочу сказать, что глупый Пѣтухъ хоть на супъ годенъ, а скворцы никуда: прилетятъ, какъ шальные, вертятся, стреко-чуть... Тьфу! Смотрѣть непріятно.

— Скворцы поютъ...—замѣтилъ Волчокъ, которому порядочно-таки надоѣло слушать эту воробьиную болтовню.—А ты только умѣешь воровать.

— Поютъ? Это называется пѣть?—изумился старый Воробей.—Ха-ха... Нѣтъ, ужъ извините, господа, про себя говорить не хорошо, а между тѣмъ я долженъ сказать, что если кто дѣйствительно поетъ, такъ это я... да! И я постоянно пою, съ утра до ночи, пою цѣлую жизнь... Вотъ послушайте: чили-чили-чиликъ!... Хорошо? Не правда ли?.. Меня всѣ слушаютъ...

— Будетъ тебѣ, старый шутъ!

Скворешникъ оказался очень хорошей квартирой. Главное, все видно сверху. Только вынесутъ кормъ

курамъ, а старый Воробей уже поспѣлъ раньше всѣхъ. Самъ паѣтся и своей Воробьихъ зернышко снесетъ. Онъ даже успѣвалъ украсть малую толику у Волчка, пока тотъ вылѣзалъ изъ своей конуры. И вездѣ такъ. Шныряетъ подъ ногами у куръ,

заберется въ кормушку къ лошади, даже въ комнаты забирается не разъ—прожорливости и нахальству стараго Воробья не было границъ. Мало этого. Онъ успѣвалъ побывать и на чужихъ дво-

рахъ и тамъ урвать что-нибудь изъ сѣстного. Вездѣ лѣзетъ, вездѣ ему было дѣло, и никого знать не хочетъ.

Наступилъ мартъ. Дни стояли теплые, свѣтлые. Снѣгъ вездѣ почернѣлъ, присѣлъ, пропитался водой и сдѣлался такимъ рыхлымъ, точно его изѣли черви. Вѣтки у березъ покраснѣли и набухли отъ прилившихъ соковъ. Весна подступала все больше. Иногда пахнетъ такимъ теплымъ вѣтеркомъ, что даже у стараго Воробья захолонетъ сердце. Жутко-хорошо въ такую пору.

Маленькій Сережка, какъ только просыпался ут-

ромъ, сейчасъ же лѣзъ къ окну посмотрѣть, не прилетѣли ли скворцы. Но день проходилъ за днемъ, а скворцовъ все не было.

— Тятя, на скворешникѣ все этотъ воробей сидитъ, — жаловался Сережка отцу.

— Погоди, отойдетъ ему чেষть. Грачи вчера прилетѣли. Значитъ, скоро будутъ и наши скворцы.

Дѣйствительно, сосѣдній барскій садъ былъ усеянъ черными точками, точно живой сѣткой: это были первые весенніе гости, прилетѣвшіе съ далекаго теплаго юга. Они поднимали такой гвалтъ, что слышно было за нѣсколько улицъ, — настоящая ярмарка. Галдятъ, летаютъ, осматриваютъ старыя гнѣзда и кричатъ безъ конца.

— Ну, старуха, теперь держись! — шепталъ старый Воробей своей Воробихѣ еще съ вечера. — Утромъ полетятъ скворцы... Я имъ задамъ, — вотъ увидишь. Я вѣдь никого не трогаю, и меня не тронъ. Знай, всякъ сверчокъ, свой шестокъ...

Цѣлую ночь не спалъ старикъ и все сторожилъ. Но особеннаго ничего не случилось. Передъ утромъ пролѣтела небольшая стайка зябликовъ. Птички смиренныя: отдохнули, посидѣли на берегахъ и полетѣли дальше. Онѣ торопились въ лѣсъ. За ними показались трясогузки—эти еще скромнѣе. Ходятъ по дорогамъ, хвостиками покачиваютъ и никого не трогаютъ. Обѣ лѣсныя птички, и старый Воробей былъ даже радъ ихъ видѣть. Нашлись прошлогодніе знакомые.

— Что, братцы, далеко летѣли?

— Ахъ, какъ далеко!.. А здѣсь холодно было зимой?

— Ахъ, какъ холодно!..

— Ну, прощай, воробушка! Намъ некогда.

Утро было такое холодное; а въ скворешникѣ такъ тепло, да и Воробьяха спитъ сладко-сладко. Чуть-чуть прикурнулъ старый Воробей, кажется, не успѣлъ и глазъ сомкнуть, какъ на скворешникъ налетѣла первая стайка скворцовъ. Быстро они летѣли, такъ что воздухъ свистѣлъ. Облѣпили скворешникъ и подняли такой гамъ, что старый Воробей даже испугался.

— Эй, ты, вылѣзай!—кричалъ Скворецъ, просовывая голову въ оконце.—Ну, ну, пошевеливайся поскорѣ!..

— А ты кто такой?.. Я здѣсь хозяинъ... Проваливай дальше, а то вѣдь я шутить не люблю...

— Ты еще разговариваешь, нахаль?..

Что произошло дальше, страшно и рассказывать: развѣдчикъ Скворецъ очутился въ скворешникѣ, схватилъ Воробьяху за шиворотъ своимъ длиннымъ, какъ шило, клювомъ и вытолкнулъ въ окно.

— Батюшки, караулъ!.. — благимъ матомъ оралъ старый Воробей, забившись въ уголъ и отчаянно защищаясь.—Грабятъ... карраулъ!.. Ой, батюшки, убили...

Какъ онъ ни упирался, какъ ни дрался, какъ ни оралъ, а въ концѣ концовъ съ позоромъ былъ вытолкнутъ изъ скворешника.

III.

ТО БЫЛО ужасное утро. Въ первую минуту старый Воробей даже не могъ сообразить хорошенько, какъ это случилось... Нѣтъ, это возмутительно, какъ вы хотите?!

Но и съ этимъ можно было помириться: ну, забрался въ чужой скворешникъ, ну вытолкали,—только и всего. Если бы старому Воробью такое же шило вмѣсто клюва дать, какъ у скворца, такъ онъ всякаго бы вытолкалъ. Главное: стыдно... Да. Вотъ ужъ это скверно, когда захвастаешься, накричишь, наболтаешь,—ахъ какъ скверно!

— Напугалъ же ты скворцовъ! — кричалъ ему со двора Пѣтухъ.—Я хоть и въ супъ попаду, да у меня свое гнѣздо есть, а ты попрыгай на одной ножкѣ... Трещетка проклятая!.. Такъ тебѣ и надо...

— А ты чему обрадовался?—ругался старый Воробей.—Погоди, я тебѣ покажу... Я самъ бросилъ скворешникъ: великъ онъ мнѣ, да и дуется изъ щелей.

Бѣдная Воробыха сидѣла на крышѣ такая жалкая и убитая, и это еще больше разозлило стараго Во-

робья. Онъ подлетѣлъ къ ней и больно клюнулъ ее въ голову.

— Что ты сидишь дурой? Только меня срамишь... Возьмемъ старое гнѣздо, и дѣлу конецъ. А со скворцами я еще рассчитаюсь...

Но племянники, устроившись въ гнѣздѣ, не хотѣли его отдавать ни за что. Подняли крикъ, шумъ и въ заключеніе вытолкнули стараго дядюшку. Это было похуже скворцовъ: свои же родные въ шею гонять, а ужъ онъ ли, кажется, не старался для нихъ.

Вотъ и дѣлай добро кому-нибудь... Воробыху прибилъ ни за что, гнѣздо потерялъ, а самъ на крышѣ остался съ семействомъ— какъ разъ налетитъ ястребъ

и разорветъ въ клочья. Пригорюнился старый Воробей, присѣлъ на конекъ крыши отдохнуть и тяжело вздохнулъ. Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ серьезной птицѣ!

— Какъ же мы теперь жить будемъ?—жалобна повторяла Воробыха. — У всѣхъ есть свои гнѣзда... Скоро дѣтей будутъ выводить, а мы такъ, видно, на крышѣ и останемся.

— Погоди, старуха, устроимся.

А главная обида была еще впереди. Выбѣжалъ на дворъ маленькій Сережка, захопалъ рученками отъ радости, что прилетѣли скворцы, и не могъ на нихъ налюбоваться. Отецъ тоже любовался и говорилъ:

— Посмотри, какіе они красивые: точно шелковые. А какъ заливаются-поютъ?.. Веселенькая птичка...

— А гдѣ же воробей, тятя, который жилъ въ скворешникѣ? Да вонъ онъ, на крышѣ сидитъ... У, какъ смѣшно нахохлился!...